

ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕДНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ярослава Григорьевна

Человек последний

Серия «Человек обычный», книга 2

<https://litres.ru/73301318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современный город, знакомые будни и проблемы — учеба, работа, отношения. Но для Димы Сионского привычный мир рухнул в один миг после трагической гибели его невесты. Погрузившись в глубокую депрессию, он не подозревает, что стал пешкой в игре древних сил, скрытых за видимой реальностью. Его друзья Макар и Кирилл, живущие двойной жизнью в параллельном измерении, пытаются втайне противостоять своим начальникам, которые готовят Диму к жестокому ритуалу. Но каждое их действие лишь приближает развязку. Когда в современном мире появляется загадочный Амбитр, Диме предстоит сделать последний выбор — пожертвовать собой, чтобы остановить надвигающийся хаос, или позволить рухнуть не только его жизни, но и границам между мирами, которые незаметно существуют среди нас.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	17
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ярослава Григорьевна

Человек последний

Пролог

Он стоял первым. Остальные — за его спиной, размытой, нечеткой толпой. Кто-то шмыгал носом — то ли от скорби, то ли от холода, пронизывающего этот промозглый день. Кто-то кричал навзрыд, кто-то рыдал тихо, в платок, но все эти звуки казались Диме нереальными, наложенными, словно чужая фонограмма, пущенная поверх его собственной, внутренней тишины.

Руки его были сжаты в кулаки так, что ногти впивались в ладони. Он слушал причитания нанятых плакальщиц, слушал размеренный, гулкий голос батюшки, и одна мысль билась в виске: они не должны так громко говорить. Все, абсолютно все должны замолчать. Если бы они замолчали, если бы эта ужасная какофония стихла, быть может, всё оказалось бы сном. Кошмарным, липким, но сном. Он сжался внутренне, пытаясь удержать эту иллюзию, вцепиться в нее зубами, как пёс в кость. Лишь бы это оказалось неправдой.

Но нет. Это была реальность. Ужасная, давящая, неумолимая.

Дима смотрел, как гроб медленно опускают в вырытую

яму. В горле застрял ком — огромный, колючий, который невозможно было ни проглотить, ни выплюнуть. А ещё этот отвратительный галстук. Он душил. Душил так сильно, что нельзя было даже крикнуть, позвать на помощь. Петля на шее, удавка, которую он сам на себя надел.

Нет. Этого не должно быть. Это всё неправда. Просто плод его больного воображения.

Но пришла очередь кидать землю.

Чья-то рука (матери? отца? кого-то из друзей?) сунула ему в ладонь мокрую, обжигающе холодную горсть. Дима замер. Несколько секунд, растянувшихся в вечность, он не решался разжать пальцы. Если он кинет эту землю, если этот мокрый комок стукнет по крышке гроба — он признает. Признает, что Марины больше нет. Что его любимая, его Мари, его солнце, его воздух — мертва. А он не хотел, не мог этого признавать.

Она жива. Она должна быть жива.

Но земля уже летела вниз. Он разжал пальцы почти бережно, как будто сажал семечко в надежде, что вырастет цветок, а не навсегда хоронил любимую. Комок земли глухо стукнул по лакированной крышке, за которой лежала Марина — с той страшной, застывшей, посмертной улыбкой на губах.

Сионский отшатнулся, сделал шаг назад, уступая место другим. И в этот момент на его грудь опустилась тяжесть. Не просто тяжесть — свинцовая плита, смертельный груз.

Она сдавила всё: лёгкие, сердце, желудок. Она стала давить, поглощать, высасывать все эмоции, оставляя лишь одно — бессильную, разъедающую боль.

Каждый вздох теперь казался предательством. Это он должен был лежать там, в гробу. Он должен был оказаться на её месте. А она... она должна была растить их ребенка, который даже света белого не увидел, погибнув вместе с матерью в тот страшный миг.

И вообще, в этот день всё было неправильным. Слишком ярким. Эти отвратительные искусственные цветы — их неестественная пестрота резала глаза. Это дурацкое, слишком голубое небо — издевательски ясное, без единой тучки. Это солнце, которое посмело светить, когда его мир погрузился во тьму. Сейчас должен был идти сильный, мокрый снег. Должен был выть ветер, срывающий ветки с деревьев. Весь мир должен был скорбеть, а не только он и эта кучка равнодушных людей в черном.

Дима машинально вытер перепачканные землей руки о черную куртку. Ему было всё равно. Пусть хоть порвется, хоть измажется в грязи. Какая разница?

Сзади кто-то подошел. Тёплая, тяжелая ладонь легла на плечо. Дима обернулся рывком, как ошпаренный. Макар. Смотрит с той своей вечной, немного виноватой полуулыбкой.

Нет. Только не сейчас. Не здесь.

Дима отшатнулся от прикосновения, и в глазах его мельк-

нуло что-то дикое, затравленное. Он не был готов к контакту. Особенно с теми, кто утаивал от него правду. Сейчас он не злился — сил на злость не осталось. Но любое прикосновение, любое слово вытянуло бы остатки сил, которые он с таким трудом пытался сохранить, чтобы просто стоять и не упасть.

Макар понял. Отошел, опустив руку.

Родители Марины стояли чуть поодаль и смотрели на своего несостоявшегося зятя. Мать поджимала губы, отец хмурил брови. Они понимали. Они видели его красные, опухшие, совершенно неживые глаза. Понимали, почему он не плачет сейчас. Он выплакал все слезы тогда, когда нашел тело своей девочки. Своей любимой. Своей вселенной.

Поодаль, словно чужие на этом празднике смерти, стояли двое друзей — Макар и Кирилл. Оба в черном, оба с каменными лицами. Они чувствовали себя предателями. Здесь им было не место. Они знали это. Безвольные куклы, которые могли бы что-то сделать, но не сделали.

Ведь они знали, что происходит в их мире. Знали, какие ритуалы проводит их начальство. Знали, что мир трещит по швам и что гибель Людов — не просто случайность. Но они ничего не сделали, чтобы обезопасить друга и его семью. Посчитали это паранойей. Им казалось, что беда обойдет их стороной, что она где-то далеко, в сводках новостей, а не здесь, не в их жизни.

Но беда пришла. И теперь жизнь Димы, да и их собствен-

ная, превратилась в серый, засохший кусок глины, который рассыпался в руках.

После того как гроб закопали, а родители девушки позвали всех на поминальный стол, Дима не остался. Друзья вызвали такси, понимая его состояние, и он уехал.

Дома он быстро, почти грубо, скинул с себя уличную одежду. Пиджак полетел на пол, галстук повис на спинке стула удавкой. Он закрыл дверь на все замки, отгораживаясь от мира.

В комнате было тихо. Слишком тихо.

На столе стояла коробка, перевязанная лентой. Подарок, который Марина так и не успела ему вручить. Дима открыл её — в сотый раз за эти дни. Внутри лежал связанный ею шарф, детские вещи и тест. Неровные петли, кое-где спущенные — она только училась вязать. И маленькая записка: «Чтобы мой Митя не замёрз зимой. С любовью, твоя Мари».

Дима смотрел на эти неровные петли, и внутри него что-то оборвалось окончательно.

Он закричал.

Это не было похоже на человеческий крик. Это был вой — низкий, надрывный, звериный. Так воет волк, потерявший стаю. Так воет верный пёс над телом погибшего хозяина. От этого звука, казалось, могло разорваться сердце даже у самого чёрствого человека. Он выл, не сдерживаясь, не стесняясь, отдавая этому вою всё, что осталось.

А потом накатила пустота. И странное, механическое спо-

койствие.

Нужно было поесть. Он ничего не съел на поминках — кусок в горло не лез. Дима побрёл на кухню, открыл холодильник. Холодный борщ, вчерашние котлеты. Он ел стоя, запихивая в рот холодную пищу и проглатывая с усилием. Ощущение мёртвой хватки галстука на шее всё ещё не проходило, хотя галстука уже не было. Каждый кусок вытягивал из него остатки тепла, которые тело так отчаянно пыталось сохранить.

Покончив с едой, он пошёл в ванную. Включил холодную воду, плеснул в лицо. Посмотрел в зеркало.

На него смотрел чужой человек. Опухшие красные глаза, впалые щёки, искусанные в кровь губы, дикий, безумный взгляд.

И этот человек вызвал в нём такую ярость, такое отвращение, каких он никогда не испытывал.

— Придурок! — зашипел он на своё отражение. — Если бы ты тогда остался, она была бы рядом! Трус! Истеричка! Ничтожество!

Кулак сам собой врезался в зеркало. Звон разбитого стекла, резкая боль в костяшках — и отражение разлетелось на сотни осколков, упавших в раковину и на пол.

Дима сполз по стенке вниз, прямо в кучу осколков. Они впивались в тело сквозь брюки, но боли не было. Он лёг на холодный кафельный пол, закинул руки за голову и уставился на мерцающую лампочку под потолком.

Всё раздражало. Этот свет. Эта тишина. Это тело, которое всё ещё дышит.

Он достал пачку сигарет, закурил прямо в ванной. Вдох, выдох. Дым поднимался к потолку, таял в мерцающем свете.

Завибрировал телефон. Звонила мать Марины. Дима ответил, и женщина, не здороваясь, начала рассказывать — голос её был уставшим, надтреснутым. Она говорила о другой церемонии, об отпевании в церкви, о том, как батюшка хорошо говорил, какие цветы принесли люди...

Дима слушал и улыбался. Спокойно, отстранённо. Потому что внутри него уже созрело решение. Окончательное и бесповоротное.

Он закатал рукава, рассматривая старые шрамы на предплечьях. Потом нагнулся, выбрал самый большой осколок зеркала — острый, с неровным краем. Взял его в правую руку.

Грубо, резко, с силой полоснул по левому запястью.

Боли не было. Совсем. Только странное, пьянящее облегчение. И спокойствие. Тёплая, липкая кровь хлынула из разреза, потекла по руке, закапала на пол. Он полоснул по второй руке — глубже, сильнее, чувствуя, как осколок режет вены, мышцы, добираясь до чего-то важного.

Кровь текла всё быстрее. Она стекала по пальцам, капала на белую рубашку, расплзлась алыми пятнами. На полу уже собралась тёплая лужица.

Дима вытащил сигарету, затянулся, стряхнул пепел прямо

в кровь. Красное и серое смешивались. Потом он аккуратно затушил бычок в собственной крови — услышал тихое шипение, и это показалось ему самым правильным, самым завершающим звуком в его жизни.

Он откинул голову назад, прислонившись к стене, и прикрыл глаза. Перед внутренним взором уже возникала Она. Марина шла к нему по белому полю, в своём летнем платье, с распущенными волосами, и улыбалась. Звала за собой.

Сознание начало ускользать. Тело становилось лёгким, почти невесомым.

В трубке телефона, который валялся где-то рядом, всё ещё звучал голос матери Марины. Дима нащупал его, поднёс к уху и прошептал:

— Прощайте... Я скоро увижусь с Мариной... Передайте маме, что я бы не хотел, чтобы она плакала...

Трубка выскользнула из ослабевших пальцев. Он больше не слышал, что говорит свекровь. Не слышал, как в трубке нарастает крик, как женщина что-то пытается объяснить, зовёт на помощь. Всё стало далёким, неважным.

Он проваливался в темноту, и она была тёплой и ласковой, как объятия любимой.

— Дима! Димка, твою мать, открой!

Кирилл колотил в дверь кулаками уже несколько минут. Сначала они с Макаром ждали в машине, давая другу время побыть одному. Но что-то внутри — то самое чувство, которое у Чувств развито острее, чем у других, — заставило его

подняться на этаж.

Стук. Тишина. Ещё стук. Тишина.

— Ломаем, — коротко бросил Макар, отодвигая друга плечом.

С первого удара дверь не поддавалась. Со второго — хрустнула коробка, и они влетели в прихожую.

— Дима! — Кирилл рванул в комнату, но там было пусто. Только открытая коробка на столе, из которой торчал край вязаного шарфа.

Свет горел в ванной. Дверь была приоткрыта.

Кирилл замер на пороге, и картина, открывшаяся ему, навсегда врезалась в память, выжглась калёным железом.

Дима лежал на полу в луже крови. Белая рубашка пропиталась алым, на руках — глубокие, рваные раны, из которых всё ещё сочилась кровь. Рядом валялся окровавленный осколок зеркала. И сигарета, затушенная прямо в крови.

Макар отодвинул застывшего Кирилла, рухнул на колени рядом с другом, прижал пальцы к шее.

— Пульс есть! Слабый, но есть! Живой, черт возьми! — заорал он, срывая голос. — Вызывай скорую! Быстро!

Кирилл, трясущимися руками набирая номер, уже не слышал, что говорит диспетчеру. Он смотрел, как Макар сдирает с себя ремень, перетягивает руку Димы выше пореза, пытаясь остановить кровь. Как его собственные руки пачкаются в крови друга. Как лицо Димы, белое как мел, с заострившимися чертами, кажется уже неживым.

— Димка, держись, слышишь?! — Макар хлестал его по щекам, пытаясь привести в чувство. — Не смей! Не смей так с нами! Ты слышишь?! У тебя мать есть! Отец! Мы есть, идиот!

Дима не реагировал. Веки его были плотно сомкнуты, дыхание почти не прощупывалось.

Скорая приехала через десять минут, которые показались вечностью. Врачи влетели в квартиру, оттеснили друзей, начали что-то колоть, перевязывать, говорить короткими, резкими фразами.

— Грузим! Живо!

Диму, бледного, безжизненного, вынесли на носилках. Кровь всё ещё проступала сквозь свежие бинты, алой расцветая на белой марли.

Макар и Кирилл бежали за носилками до самой машины. Когда "скорая" с включённой сиреной сорвалась с места, Кирилл осел прямо на снег у подъезда.

— Это мы... — прошептал он, глядя на свои окровавленные руки. — Это мы довели. Мы не рассказали, не предупредили, не уберегли...

Макар молча стоял рядом, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. В ушах у обоих всё ещё звучал тот вой — дикий, страшный, звериный вой, который они слышали, когда подходили к двери. Они думали, что это телевизор, что кто-то плачет у соседей.

Теперь они знали: это был их друг, потерявший всё.

Макар поднял голову к небу. Оно было всё таким же издевательски синим, ярким, безжалостным.

— Если он умрёт, — тихо сказал он, — я никогда себе этого не прощу.

Кирилл молчал. Он смотрел на свои руки и думал о том, что мир, который они пытаются спасти своими дурацкими ритуалами, уже убил самого дорогого для них человека. И едва не убил второго.

Сирена завывала где-то вдали, удаляясь. А на снегу, рядом с тем местом, где сидел Кирилл, алело несколько капель крови. Крови его друга.

Дима плыл в темноте. Тёплой, вязкой, уютной. Здесь не было боли, не было тоски, не было этого проклятого голубого неба. Только покой.

Вдалеке забрезжил свет. И в этом свете он увидел Её.

Марина стояла, окружённая сиянием, и улыбалась. Не той страшной, посмертной улыбкой, а настоящей — живой, тёплой, той, от которой у него всегда замирало сердце.

— Мари... — прошептал он, протягивая к ней руки. — Я иду к тебе. Постой, не уходи.

Но она не двигалась. Смотрела на него с какой-то странной смесью любви и грусти. И вдруг покачала головой.

— Нет, Митя. Тебе нельзя.

— Почему? — в голосе его зазвучала мольба. — Я не могу без тебя! Там ничего нет! Только боль!

— Там есть те, кому ты нужен, — её голос звучал тихо, но

каждое слово врезалось в сознание. — Мама. Папа. Друзья. Они не заслужили терять тебя тоже. И... — она помолчала, и улыбка её стала чуть печальнее. — Я буду ждать. Но не сейчас. Ты должен жить. Ради нас. Ради того, что у нас было. Живи, Митя. Живи долго и счастливо. За нас двоих.

Свет начал меркнуть, и Марина стала таять в нём.

— Нет! Мари! Не уходи! Не оставляй меня! — закричал он, рванувшись следом.

Но чьи-то руки — сильные, бесцеремонные, живые — схватили его, не пустили, потащили назад, в темноту. Только теперь эта темнота не была тёплой. Она была холодной, колючей, полной боли и чужих голосов.

— Димка! Дима, слышишь меня?! Возвращайся, кому говорят!

Он хотел сопротивляться, хотел вырваться и побежать за уходящим светом, за её удаляющейся фигурой. Но силы кончились. Он провалился в глубокий, чёрный, беспмятный сон.

Когда он открыл глаза, первым, что он увидел, был белый потолок. Потом — капельницу, прикреплённую к руке. Потом — склонённое лицо Кирилла, опухшее, с красными глазами, но такое родное.

— Очухался, — выдохнул Медведский, и в голосе его дрожали слёзы. — Дурак ты, Сионский. Какой же ты дурак.

Дима хотел ответить, но горло перехватило. Он вспомнил. Всё вспомнил. И то, что сделал, и то, что видел там, на гра-

нице.

— Она сказала... жить, — прошептал он едва слышно.

— Кто? — не понял Кирилл.

— Мари. Она сказала жить. За нас двоих.

В палате повисла тишина. А потом Кирилл, не выдержав, уткнулся лицом в больничное одеяло и разрыдался. Громко, навзрыд, как ребёнок.

Дима смотрел на него и чувствовал... ничего. Пустоту. Но где-то глубоко внутри, на самом дне этой пустоты, затеплился крошечный огонёк. Не надежда. Не радость. Просто обещание. Обещание попытаться.

Ради неё.

За окном больницы медленно падал снег. Белый, чистый, укрывающий землю своим молчаливым саваном. Где-то далеко, на кладбище, под этим снегом спала Марина с их нерожденным сыном Сережей. А здесь, в тёплой палате, просыпался к новой, чудовищно трудной жизни Дмитрий.

Глава первая

Парня выписывали из клиники с достаточно страшным диагнозом, кто-то бы посчитал это бредом. Но "тяжелая депрессия на фоне ПТСР", ему выписали рецепт на антидепрессанты. Дима бы может и не купил бы эти таблетки, только вот из-за того что его забирали друзья, они заставили друга их купить. Зачем ему лечится, если рядом нет того, ради кого он стремился жить. Быть может если бы он не послушал ее все было бы по другому и они сейчас улыбались, обнимались, радовались их маленькому счастью. Но этого больше не произойдет и сидя в машине друга, Сионский смотрел в окно под музыку, что грузом ложилась в грудь. Зачем они как будто на зло включают эти треки? Зачем терзают его и без того израненную душу? Как же все это раздражает и убивает одновременно.

Макар сидел за рулём и стучал пальцами по нему, пока вез парня домой, периодически поглядывая на Кирилла через зеркало. В этот раз он понимал, что тяжело сегодня не только Диме. Конечно, его боль неизмеримая, только вот из-за своей силы, Медведский, мог впитывать все что находится в воздухе. А оба друга при этом хотели поговорить, с парнем который совершил почти суицид. Но не решались задевать его рану, которая ещё даже не начала затягиваться. Но всё-таки говорит нужно и по этому, когда те подъехали к до-

му парня, Макар повернулся и поджимая искусанные губы спросил.

- Слушай... А зачем ты это сделал? - тихим голосом произнес парень, понимая, что сейчас может нарваться на агрессию со стороны друга. Но он лишь молча повернулся к Макару, воздух вокруг как будто зазвенел, загудел, стал сгущаться, парень вышел в мир друзей и смотрел на них серьезным взглядом, явно не горя желанием разговаривать. Но так как он не злится на друзей, Дима решил сказать хоть что-то, хоть и не приветливо.

- А какая теперь разница? Сделанного не воротишь, тем более мой ответ не так уж и важен. Спасибо что подвезли. Я домой. - А затем парень вышел из машины, достал свои вещи из багажника, а затем пришел к себе домой. Но перед тем как зайти в квартиру, он несколько секунд смотрел на руку, что держала ключ. Сионский не мог зайти в дом, где когда то цвела любовь и жила жизнь. И парень не понимал, для чего он в принципе собирается жить. Но он должен жить. Только вот кому должен? Родителям, что подарили ему жизнь, может быть. Хотя они даже не знают о том, что тот сотворим с собой. Знают лишь о том, как с грохотом разрушился его мир.

Но вот он дома, везде убрано, ребята позаботились о том, чтобы тот пришел в чистую квартиру. Зря. Дмитрий не собирался поддерживать порядок в доме, который ощущался как каменная клетка лоя его души, как пыточная, как проклятая

комната, как яд. Он разделся, раскидывая вещи по комнате, затем сел за ноутбук и стал писать заявление на академический отпуск. Он бы и на отчисление написал заявление, только пока, не мог этого сделать. Так как бы именно так он бы подвел бы и своих родителей, которые даже не догадываются о том как он поступил с собой. Почему же ему так не повезло с этими чувствами обязательств перед всеми кому только можно. Заявление есть, сообщение от куратора получено, помощь тоже есть с его стороны и полное понимание с его стороны. Он пообещал ему, что все сделает и парню не придется выходить из дома и что-то делать. Небольшая радость достала его губы и он спокойно выдохнул, после чего выключил ноутбук, взял свой телефон и открыл приложение для заказа продуктов. Он на деньги, что у него были отложены на свадьбу, стал выбирать несколько обычных, готовых блюд. Готовить лень, все лень, жить тоже лень. После чего он стал просто смотреть вперед, в черный экран ноутбука. Он покрылся пылью, давно его никто не протирал, эти частички мозолили глаза надо бы их убрать. Сионский провел пальцами по экрану, на них остались серые полосы и тяжело выдохнул.

"Надо будет убрать, но по позже, сейчас просто не могу это сделать"

Пронеслось в голове парня и он поджал губы, вытер из трусы, после чего встал и решился осмотреть квартиру, его квартиру, но сейчас она ощущалась чужой не его домом не

его крепостью. Все как будто чужое. Эти чашки, что выстроены в ряд, эта коробка с кофе. А это подарок Марины, нет он не готов его видеть сейчас. По этому со слезами на глазах парень убрал кофе в шкаф со специями, а там он увидел коробку убранную друзьями и тест на беременность поставленный в рамочку. И тут его сознание не выдержало из-за чего он разрыдался. С хлопком закрыл дверь шкафчика. Он просто стоит и рыдал облокотившись о стол в кухне. При этом парень принял перед этим таблетки, после чего ему стало немного отпускать желание прощаться с миром. А рядом, уже не скрываясь, разрывая пространство появился Амбитр со своим зловещим планом по уничтожению Димы. Существо он увидел как какого странного гемофрадита с какими-то торчащими из головы четырьмя маленькими крыльями, а волосы на голове оказались очень длинными. А самое ужасное существо не имело одежды. От чего все его обнаженное тело будоражило разгоряченные свежей утратой мозг Сионского.

- Ты думаешь, твоя боль уникальна? Она — шаблон. Её испытывали 14,782 раза за последний цикл.- Решил он надавить на его траур он и парень встал, думая что у него галлюцинации, сначала просто прикрыл глаза и начал их тереть. Затем опять открыл и опять увидеть это существо. - А хочешь я тебе открою секрет? Это я послал Мари пойти через этот путь, это я вас расстроил и это из-за меня она умерла. Как и твой сын. Да это должен был быть мальчик.

Это добило парня и он сжав кулаки уже замахнулся на существо, но оно исчезло точно так же как и появилось, оставляя парня с этими мыслями. Которые пожирали его изнутри, заставляя его распаковать новый блок сигарет, достать из него пачку, открыть ее и вытянув из шкафчика стола пепельницу и спички закурить. Грязный запах вишни и табачного дыма резал глаза, все что сегодня произошло с ним, это все лишь плод его больной фантазии из-за ПТСР и депрессии, и этих отвратительных таблеток, что ему прописал доктор, и это они вызвали у парня такие отвратительные галлюцинации. Сейчас приедет еда, он попытается по есть и дальше пойдет спать, чтобы точно убедить себя в том, что это просто странные мысли. По этому парень куря открыл телефон и стал ждать звонок, от доставщика еды. Только вот он скуки, он решил открыть галерею, на старом телефоне, который он так и не успел обновить. И он видимо тоже решил, что парень слишком мало страдает и его таблетки, слишком расслабили и предложил ему подборку лучших фотографий за прошлый год. А тот на свою глупость решил ее посмотреть, а там оказались фотографии его и Марины. Первая была сделана когда та пригласила парня в парк и он со своей удачей, взял и упал в лужу грязи из-за чего вся задняя часть джинс была грязная, Марина сделала селфи в этот момент. Вторая была, когда Дмитрий готовил для любимой, а та от скуки стала кривляться на фоне, пока он готовил. Его губы в моменте тронула улыбка, а затем от осознания, того, что его

любимой больше нет, он разрыдался, смотря дальше подборку фотографий, следующую фотографию, где та мило сопит у него на груди. Другую, где та себе под футболку положила подушку, притворяясь беременной. Тут терпения парня уже не хватило, и он просто выключил телефон. Его стала накрывать истерика. Слезы без остановки стекали по щекам, лицо превратилось в ужасную гримасу — смесь боли и отчаяния отобразилась на его лице. Грудь сдавило от боли в области сердца, он задыхался, а слезы стали попадать в нос, из-за чего Дима начал им шмыгать.

Сигарета, которую он курил, стала обжигать пальцы — он дошел до фильтра. Поэтому он, пока еще мог дрожащими руками, потушил ее о дно пепельницы, взял новую и не сразу смог ее прикурить, из-за чего начал злиться. Он во всем виноват. И чтобы ни говорило то существо из его больных фантазий, он предал ее. Его мысли нещадно ранили сердце. Точнее то, что от него осталось.

«Это я во всем виноват! Я все загубил, я предал нас, я убил тебя. Марина! Вернись ко мне, прости меня за все! Я скучаю, мне тяжело без тебя, Мари, солнышко мое, я умираю. Марина... Марина... Вернись ко мне. Приснись мне хотя бы раз. Побудь со мной хотя бы еще несколько дней. Я не спокоен, я в смертельной схватке. Забери меня, пожалуйста, под свои теплые крылья. Марина. Я хочу увидеть нашего сына. Мы ведь еще хотели назвать будущего ребенка. Марина... Я хочу быть рядом с тобой и Сережей. С нашим

маленьким Сережей».

Слова выходили из его рта, произносимые дрожащим голосом от истерики, что сводило мозг судорогой. Нет, он не может без нее. Чтобы ни говорили врачи, его жизнь без нее бессмысленна.

В этот момент ему позвонил курьер. Парень, не вытирая слез, но немного успокоившись, зажал сигарету в зубах и, ничего не надевая на голый торс, пошел открывать дверь. Забрал еду, закрыл дверь, зашел на кухню и, поставив еду на стол, стал разбирать пакет. Но не смог. Новая волна проснувшихся эмоций накрыла парня, и тот завыл, выронив сигарету из рта прямо на пол. Поэтому парень просто скинул все на пол, растоптал голыми ногами тлеющую никотиновую дозу и быстро ушел в ванную комнату. Там он набрал ледяную ванну и забрался в нее. Морозный шок сильно взбодрил парня, и он судорожно вздохнул, начиная дрожать. Сионский стал восстанавливать дыхание и ритм сердца после истерики, так как не мог позволить себе рыдать, как девушка. Он обязан быть сильным ради нее. Хотя бы ради нее.

Спустя время он вылез из ванной, слил воду и, закутавшись в халат, пришел на кухню. Сейчас голова Дмитрия, на радость, пустовала, и поэтому он спокойно поднял бычок, закинул его в пепельницу. После чего собрал еду и, даже не прогрев, начал есть. Горячая пища сейчас для него была роскошью, которая стоила слишком много. У него просто нет сил все это ждать. Нет сил. Он просто устал.

Когда он поел, оставив половину порции, парень все убрал в холодильник — ну, хотя бы просто попытался это сделать. Затем Дима выключил свет во всей квартире, лег в кровать, прикрыл глаза и быстро уснул — настолько быстро, что сам не понял, как это произошло. Но это было ошибкой. Собственное сознание играло против парня, и поэтому, как только он уснул, ему начал проигрываться сон. Таких не было в больнице.

Он стоял посреди черной комнаты. Один. Тишина, холод, и ничего не ясно. Но вдруг послышался голос его невесты, и парень повернулся. Он увидел девушку, улыбнулся и, крикнув ее имя, подбежал, после чего обнял, прижимая к себе. Затем расцеловал ее лицо, моментами говоря, как соскучился и как он ее любит. А та взяла его за руку и вывела из черной комнаты в дом, о котором они постоянно грезили. Марина оказалась вдруг с большим животом. А Дима, как примерный муж и отец, ухаживал за ней.

— Дима, я хочу яблоки... — тихо пробубнила его возлюбленная, как будто немного стесняясь своего желания, но на лице была улыбка. Он же, желая ее порадовать, с улыбкой ответил:

— Не переживай, я сейчас все принесу. Только дождись меня.

Девушка кивнула, и парень ушел. Он нашел самые лучшие, красивые, наливные, круглые яблочки и принес их ей. Та с радостью съела их, даже не предложив своему мужу ни

одного. Только парня это не огорчало — он был безумно рад просто радовать свою возлюбленную.

Следующий момент — и его Марина сидит возле детской кроватки, укачивая сына. Он подошел к ней, аккуратно взял младенца, который почему-то напоминал парню его самого в детстве, и сам начал укачивать.

— Он такой красивый, — с улыбкой произнес парень и стал немного укачивать его на своих руках.

— Да, он вылитый ты, — с улыбкой ответила ему Марина, посмотрев на лицо мальчика. — На тебя чем-то похож.

— А мне кажется, он похож на всех. И на тебя, и на меня, — произнес он и чмокнул малыша, не желая отпускать его с рук.

Но девушка забрала ребенка и велела Сионскому приготовить смесь. Он ушел ее готовить, а когда вернулся обратно с бутылочкой, то никого не нашел. Диму накрыла сильная паника. Мужчина начал бегать по дому, кричать имя жены и сына в надежде, что те откликнутся. Только никто не отзывался. Он выбежал из дома и стал искать их по лесу, стирая ноги в кровь, шаркая ими и царапаясь обо все, что можно и нельзя. А затем вышел к чистой поляне, где лежала неподвижно его любимая и ребенок.

А затем парень резко проснулся в холодном поту и понял, что он задыхается. Такое ощущение, как будто его лишили всего, украли самое дорогое. В груди пусто — будто из него вырвали все, оставив просто пустое место. И никто его боль-

ше не обнимет после кошмаров, никто не поцелует в шею и не будет шептать, что все хорошо.

И вроде ему послышался голос его любимой, поэтому парень повернул голову в сторону. Только никого нет, и его никто не обнимает. Никто больше ласково не назовет его по имени, никто больше не будет с ним мечтать о семье. Дмитрию явно не хватало сообщений, тепла, странных шуток, необычного смеха.

Парень сел на край кровати, поставил локти на колени и, судорожно дыша, посмотрел на стол, где стояли таблетки, назначенные врачом. Он решил выпить еще одну, потому что иначе сейчас опять повторит то, что сделал в ванной. Встав, парень дошел до стола, открыл баночку, закинул одну таблетку в рот, после чего запил водой из-под крана. Потом достал сигарету, зажал губами и закурил. Видимо, квартира пропахнет табачным дымом. Хотя какое ему теперь дело, если больше не для кого стремиться изменять свои вредные привычки.

Затем он курил на кухне, смотрел в окно. После чего пришло сообщение от Кирилла:

«Я зайду к тебе завтра. Готовься, мы кое-куда пойдём».

Он прочитал сообщение и просто оставил на него реакцию — мол, согласен. После чего выключил телефон. Он стал смотреть опять в окно, затем затушил сигарету о пепельницу, шмыгнул носом и ушел опять спать.

Глава вторая

Ранним утром к Диме пришел Кирил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.